

Завистью гонима, я бегу стыда.
И никто не сыщет моего следа.
Кущи господина, сени госпожи,
Вертоград зеленый, столп родной межи.

Поле, где доила я веселых коз,
Ложу, где так много пролила я слез,
И очаг домашний, и святой алтарь.
Все прости на веки, — говорит Агарь.

И ее в пустыню дух вражды влечет,
И пустыня словно вся за ней идет,
И вперед заходит, и со всех сторон
Ей грозит и душит, как тяжелый сон.

Серые каменья, лава и песок
Под лучами солнца жжет подошвы ног.
Пальм высоких листья сухо шелестят,
Тени без прохлады по лицу скользят.

И в лицо ей ветер дышит горячо,
И кувшин ей давит смуглое плечо.
Сердце замирает, ноги устают,
Слезы высыхают и опять текут.

Чу! Вдали журчанье ключевой воды,
По краям оврага свежие следы.
Знать недавно пастырь здесь прогнал стада,
Вот скамья и желоб, зелень и вода.

И слагая ношу, села отдыхать
Бывшая рабыня — будущая мать.
И страшась пустыни, и боясь пути,
И не зная, где ей спутника найти

Головой поникла, с тайною мольбой.
Вдруг как будто с ветром сладостью живой
Голос не воздушный, но и не земной
Прозвучал в пустыне, говоря с душой.

И она очнулась, слушая глядит.
Видит — Ангел Божий перед ней стоит.
Белая одежда, белое крыло,
Кроткое сиянье, строгое чело.

«Ты куда?» — спросил он, — «Я иду в Кадис!»
И сказал ей Ангел: «С миром возвратись!»
«Я бегу от Сарры, госпожи моей!»

И сказал ей Ангел: «Примирился с ней!

И родишь ты сына, силу многих сил,
Наречешь ты имя ему Измаил.
И рука Господня будет вечно с ним,
Населятся страны семенем твоим».

И с отрадой в сердце начала вставать
Бывшая рабыня, будущая мать.